

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

КУЛАГИНА ОЛЬГА ЛЬВОВНА

САТИРЫ А.Д. КАНТЕМИРА: ПОЭТИКА, КОНТЕКСТЫ, ИНТЕРТЕКСТЫ

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва

2018

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный консультант – **Ивинский Дмитрий Павлович**,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты – **Марков Александр Викторович**,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры кино и современного искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Сазонова Лидия Ивановна,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
ФГБУН ИМЛИ имени А.М. Горького
РАН

Юхнова Ирина Сергеевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской литературы
ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

Защита диссертации состоится 20 декабря 2018 года в 16 часов на заседании диссертационного совета МГУ.10.05 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские Горы, МГУ, 1-й учебный корпус.

E-mail: ruslit@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/140312785/>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Построение новой концепции русской литературы относится к числу насущных потребностей современного отечественного литературоведения. Серьезного обновления требует взгляд на многие аспекты литературного процесса: определение начальной точки отсчета русской литературы нового времени, суть самого понятия литературной традиции, роль отдельных писателей в литературном процессе, поэтику многих авторов, особенно первой половины XVIII-го века. Растущий интерес к личности и творчеству Кантемира в последние десятилетия (во многом связанный и с 300-летием со дня рождения), повышение внимания к его поэтике¹ свидетельствуют о филологической интенции отодвинуть нижнюю границу начала живого литературного процесса нового времени к первой половине XVIII-го века и воспринимать Кантемира не как скучную страницу из учебника по истории русской литературы, а как ключевую фигуру, чье влияние ощущается с каждым днем все сильнее.

Настоящее исследование находится в русле современных историко-литературных тенденций, имеет прямое отношение ко всем обозначенным выше проблемам и может способствовать нахождению перспективных путей решения перечисленных выше задач. Мы учитываем тенденции эпохи по выведению Кантемира из области архаики в область живого – причем начального – звена культурной традиции и предлагаем один из возможных вариантов такого подхода. Он состоит в медленном, тщательном прочтении поэтических текстов Кантемира, в изучении его поэтики в контексте ее влияния на последующую русскую поэзию.

Актуальность диссертации заключается в изменении исследовательского взгляда на творчество Кантемира и его роль в истории

¹ Прежде всего – публикации С.И. Николаева, посвященные поэтике сатир 1995, 2013 и др.

русской поэзии как одного из создателей фонда готового слова, легшего в основу литературной традиции.

Новизна исследования состоит в выработке принципиально нового – комплексного – подхода к поэтике сатир А.Д. Кантемира в контексте их восприятия последующей русской поэзией; в интерпретации сатир как искусно организованного единого художественного мира; в опыте сквозного микрофилологического анализа, в процессе которого учитываются все микроуровни текста в их органической взаимосвязи. Системный анализ поэтики сатир как единого текста предпринимается впервые.

Радикально новым шагом является перенесение фокуса с макроуровня (принадлежность к литературному направлению, жанру и т.д.) на микроуровень текста (анализ топики, формул, грамматики, фонетики, рифмы и т.д.), что позволяет не только увидеть сатиры как единый художественный мир, но и по-новому представить закономерности литературного процесса нового времени, и сам механизм литературной традиции – по принципу отбора топики и приемов из фонда готового слова.

В работе сатиры Кантемира впервые подвергнуты тщательному многофокусному анализу, выполненному в русле риторической традиции.

Творчество Кантемира, как и творчество поэтов, прошедших школьную выучку (Тредиаковского, Ломоносова), было тесно связано с риторической культурой: «Они повторяли и развивали положение представителей русского барокко о том, что совершенствование литературной культуры достигается заботой о “грамматике доброй и исправной”, о “Лексиконе полном” и о “Реторике и стихотворной науке”².

Как сформулировала Л.И. Сазонова, «Риторика есть принцип отношения к слову и выпасть из нее невозможно»³. «Отечественные

² Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 132.

³ Сазонова Л.И. Указ. соч. С. 133.

риторики XVII–XVIII вв., – по замечанию В.П. Вомперского, – плод высокой культуры. Они наполнены культурными реминисценциями разных стран, времен и народов...»⁴; «традиции отечественной риторики восходят к риторикам античной и раннехристианской эпохи, средневековья и Возрождения»⁵. Начиная с Феофана Прокоповича, «поэтика более и более стала терять свой характер изолированности в отношении к риторике, более и более проникаясь риторическими правилами, и таким образом мало-помалу стала подходить под одно общее с риторикой понятие литературы. Риторика в понимании Феофана превращается из учения о красноречии в общую теорию словесности»⁶.

Приоритет анализа в настоящей работе – в исследовании формы, архитектоники, системы внутренних связей сатир; а топика, система культурных кодов оказываются тесно слитыми с этой формой. Исследование нацелено на выявление в сочинениях Кантемира риторических «первоэлементов», из которых создана русская поэзия. «Поэтика, – по словам В.М. Жирмунского, – рассматривает литературное произведение как эстетическую систему, обусловленную единством художественного задания, т. е. как систему приемов. С этой точки зрения и метрическое построение, и словесный стиль, и сюжетная композиция и самый выбор той или иной темы являются нам, в процессе изучения художественного произведения, как приемы, т. е. как эстетически значимые факты, определяемые своей художественной телеологией»⁷. По замечанию Д.С. Лихачева, «структура поэтики пронизывает собой всю культуру»⁸. Обращение к поэтике по-

⁴ Вомперский В.П. Риторика в России XVII-XVIII вв. / Отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука 1988. С. 5

⁵ Вомперский В.П. Указ. соч. С. 7.

⁶ Вомперский В.П. Указ соч.. С. 37.

⁷ Жирмунский В.М. К вопросу о «формальном методе» // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1977. С. 95.

⁸ Лихачев Д.С. Отзыв на работу С.С.Аверинцева «Ранневизантийская поэтика» //Прошлое – будущему. М., 1986. С. 353.

новому структурирует культуру, иначе «“собирает” ее и иначе раскладывает на составляющие элементы»⁹. В предпочтении одного тропа, одной фигуры (например, метафоры или метонимии) может быть скрыт ключ к пониманию сущности культуры, направления, авторского стиля¹⁰.

Новым является и соединение теоретической науки о словесности (стилистической критики, грамматики поэзии, тезаурусного подхода и т.д.) с кантемироведением, приложение филологических идей XX-го века к творчеству Кантемира, у которого идеи формалистов об остранении, оппозиции «видение / узнавание», «грамматика поэзии» Р. Якобсона находят воплощение за два века до того, как были сформулированы.

Цель работы – принципиально новое прочтение сатир Кантемира с применением новейших методов филологического анализа в контексте их восприятия последующей русской поэзией. А общекультурной сверхцелью является возвращение Кантемира в число читаемых, актуальных для сегодняшнего дня авторов¹¹.

Для достижения этих целей необходимо решить следующие **задачи**:

1) обосновать понимание сатир как единого текста; понять, «как сделаны» сатиры Кантемира; определить основные принципы их архитектоники, поэтики и взаимосвязи различных текстовых уровней;

2) продемонстрировать принципы сквозного действия предлагаемого нами микрофилологического подхода в процессе развернутого комплексного анализа сатир, во взаимосвязи всех текстовых уровней (лексики, грамматики, фонетики, рифмы);

3) показать единство текста сатир на уровне топики и различных культурных кодов;

⁹ Софронова. Л.А. Поэтика и культура // История культуры и поэтика. М.: Наука, 1994. С. 7.

¹⁰ См.: Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990. С. 110-132.

¹¹ Той же общекультурной цели посвящена и книга Ю.К. Щеглова «Антиох Кантемир и стихотворная сатира». СПб: Гиперион, 2004.

4) представить сатиры как фонд готового слова русской поэзии, созданный Кантемиром в результате бережного культурного трансфера;

5) проследить, как элементы фонда готового Кантемира были восприняты последующей русской поэзией.

Материал исследования ограничен в соответствии с интенсивным методом, предпочитающим углубленность изучения обширности охвата. Поэзия Кантемира, главным образом, сатиры (преимущественно в окончательной редакции), является **объектом исследования**.

Предметом исследования является поэтика сатир, их архитектоника, взаимосвязь различных уровней текста, а также единицы разных уровней текста (лексические, семантические, фразеологические, грамматические, фонетические, синтаксические, стилистические), творчески воспринятые русской поэзией, вошедшие в ее универсальную кладовую топики и приемов.

В качестве **сопоставительного материала** привлекается русская поэзия XVIII-го – первой половины XIX-го в.

Степень изученности темы. Литература о Кантемире, существующая более трех веков, тщательно описана: исследования на русском языке до 1966 в Библиографическом указателе В.П.Степанова и Ю.В. Стенника¹², литература на русском и европейских языках с 1966-го по 2010-й г. классифицирована С.И. Николаевым¹³.

В течение XVIII-го и XIX-го веков в критической литературе о Кантемире можно выделить два основных вопроса, вокруг которых велись дискуссии: 1) о подражательном или оригинальном характере его творчества; 2) о наличии у Кантемира художественного дара – и две основных линии отношения к Кантемиру.

¹² История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель / Под ред. П. Н. Беркова; Сост. Ю.В. Стенник, В. П. Степанов. Л.: Наука, 1968.

¹³ Николаев С.И. Материалы для библиографии сочинений А.Д. Кантемира и литературы о нем (1966-2010) (К 300-летию со дня рождения) // XVIII век. Сб. 26. Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. СПб: Наука, 2011. С. 540 – 564.

Сторонники первой линии (А.П. Сумароков, ранний В.Г. Белинский, Н.А. Полевой, А.Н. Пыпин и т.д.) отказывают Кантемиру в поэтическом даре и оригинальности. Суть этой позиции сформулировал Белинский: «Этот человек не был поэтом; непосредственный художественный талант не был его уделом. Его поэзия – поэзия ума, здравого смысла и благородного сердца. Кантемир в своих стихах – не поэт, а публицист, пишущий о нравах энергически и остроумно. Насмешка и ирония – вот в чем заключается талант Кантемира...»¹⁴.

Другая линия – признание Кантемира поэтом и родоначальником русской литературы. Ее условно можно назвать «Кантемир – первый»: «он первый свел поэзию с жизнью» (Белинский¹⁵); «...первый осмелился писать как говорят...» (К.Н. Батюшков¹⁶); «...он первый в литературном мире обратился к русскому обществу и искал в нем предмета для стихотворства; он же первый открыто начал сатирическую нашу литературу...» (С. С. Дудышкин)¹⁷ и т.д.

Был и третий вопрос, постоянно возникавший в связи с Кантемиром и переводивший дискуссии о творчестве этого поэта в разряд общелитературных: почему вообще русская литература началась с сатиры, «плода осеннего» (Белинский, А.С.Пушкин и др.). Такой подход давал повод смотреть на творчество Кантемира как на какую-то странность, отклонение, которое не нужно специально и системно изучать: «Странным с первого раза покажется, что художественная поэзия наша в новом периоде начинается с сатиры, – писал С.П. Шевырев. – Сатира есть отрицательный вид изящного, а отрицательно-изящное не может образовать языка и дать ему положительные

¹⁴ Белинский В.Г. Кантемир // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: АН СССР, 1953-1959. Т. VIII. 1955. С. 627.

¹⁵ Белинский В.Г. Указ. соч. С. 614.

¹⁶ Батюшков К.Н. Вечер у Кантемира // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / АН СССР; Изд. подгот. И. М. Семенко. М.: Наука, 1977. С. 50. (Лит. памятники).

¹⁷ Дудышкин С.С. Сочинения Кантемира (Полн. Собр. Русских классиков) // Современник: Лит. журнал / Изд. с 1847 г. И.Панаевым и Н.Некрасовым. Т. XII. СПб, 1848. С. 1–40.

формы. Явление Кантемира, таким образом, есть случайное в нашей литературе, и объясняясь временем переходным, не входит в общий процесс нового литературного развития, который начинается собственно с Ломоносова»¹⁸.

В 1867 году вышло новое издание сочинений Кантемира, подготовленное В.Я. Стоюниным под редакцией П. А. Ефремова¹⁹, что дало повод к возобновлению дискуссий о творчестве писателя. В этих спорах мы видим все те же два вопроса: о подражательности творчества Кантемира и о наличии у него поэтического дара.

В 1893 г. была опубликована «общедоступная биография», как называл ее сам автор, – книга Р.И. Сементковского «А.Д. Кантемир. Его жизнь и литературная деятельность», цель которой «собрать все существенное, написанное до сих пор о Кантемире, чтобы, насколько позволяют размеры общедоступной биографии, воспроизвести жизнь и деятельность Кантемира, – этого первого русского гражданина-поэта²⁰. В книге Сементковского Кантемир предстает «первым русским писателем в современном значении этого слова... Он сразу дал ясный, определенный отпечаток всей нашей литературе, с необычайной точностью указал и основное ее направление, и основные ее задачи...он был родоначальником гоголевского “смеха сквозь слезы”, он сильной рукой указал русской литературе то направление, которое так пышно расцвело в лице Фонвизина, Гоголя, Салтыкова и которое составляет основную ноту русской поэзии, ее преобладающее настроение...»²¹. Слова Сементковского: «Без всякого преувеличения можно сказать, что Кантемир поставил первые вехи, что он с необычайной силою

¹⁸ Шевырев С.П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже С.П. Шевыревым в 1862 году. СПб: Тип. Имп. Акад. Наук, 1884 (Отд. Имп. Акад. Наук Т. XXXIII. №5).

¹⁹ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. 1-2. СПб, 1867-1868.

²⁰ Сементковский Р.И. Кантемир: Его жизнь и литературная деятельность. СПб, 1893. С. 10.

²¹ Сементковский Р.И. Указ соч. С.6.

указал фарватер, по которому русская литература будет для своей славы и чести плыть еще долго»²² можно поставить эпиграфом к настоящей работе.

В конце XIX-го в. в Варшаве были изданы несколько небольших по объему книг В.А. Истомина с анафорическими названиями «Главнейшие особенности языка и слога произведений...», одна из которых была посвящена текстуальным переключкам сатир Кантемира и последующей русской поэзии²³.

В конце XIX-го в. был опубликован историко-литературный сборник под редакцией С.А. Венгерова «Русская поэзия», где раздел, посвященный Кантемиру, выглядит очень внушительно: там дана подробная библиография о Кантемире к началу XX-го в., с выдержками и комментариями²⁴.

В 1891 г. В.Я. Брюсов написал статью «Кантемир», где выразил свое представление о значении этого автора: «Кантемир стоит почти совершенно отдельно в русской литературе. Подражать ему было некому, преподавателей у него явиться не могло... Хотя Кантемир сделал много для создания русского языка и разработал впервые много вопросов и типов, вошедших потом в русскую литературу, но позднейшие писатели принуждены были начинать все сначала и повторить самостоятельно эти труды»²⁵.

В советском литературоведении середины XX-го в. Кантемиру не уделялось большого внимания. Г.А. Гуковский в своем обзоре с красноречивым названием «За изучение восемнадцатого века» призывает «дать возможность широкому читателю узнать Державина, узнать

²² Сементковский Р.И. Указ соч. С. 95.

²³ Истомин В. Главнейшие особенности языка и слога произведений И.А. Крылова, А.Д. Кантемира и Е.А. Баратынского в лексическом, этимологическом, синтаксическом и стилистическом отношениях // Русский филологический вестник. Варшава, 1895.

²⁴ Русская поэзия. Собр. произв. рус. поэтов, частью в полном составе, частью в извлечениях, с важнейшими критико-биографическими примеч. и портр. / Изд. под ред. С.А. Венгерова. Т. I (Вып. 1-6). С 23 портретами. XVIII век. Эпоха Классицизма. СПб: Типо-Литография А.Э. Винке, 1897.

²⁵ Брюсов В.Я. Кантемир // Неизвестный Брюсов (публикации и републикации). Ереван: Лингва, 2005. С. 10.

Сумарокова, Ломоносова, Хераскова, всю плеяду сумароковской школы и последователей Державина. Это – по части лирики. Надо познакомить читателя и с драматургией XVIII в...»²⁶, но ни разу во всем обзоре не упоминает имени Кантемира.

Не упоминает Кантемира и А.В. Луначарский в статье о XVIII-м веке, ограничившись общей уничижительной характеристикой литературы этого периода: «Век Екатерины явился, в сущности, эпохой возникновения нашей сознательной литературы и критики. Литература и критика до Ломоносова представляет собою лепет, так сказать, доисторический, младенческий период...»²⁷.

Тем ярче на фоне молчания о Кантемире выделяются работы Л.В. Пумпянского, написанные в середине XX в. и до сих пор во многом являющиеся непревзойденными. В них содержится глубокий анализ сочинений Кантемира, намечены пути дальнейшего, более тщательного изучения его текстов. Пумпянский высказывает мысль, для данного исследования особенно важную, – о единстве текста сатир: «Мы в праве поэтому рассматривать все сатиры как более или менее единое целое...»²⁸.

Пумпянский возвращается к предыдущей традиции кантемироведения и вновь вводит в жизнь уже известный тезис: «Кантемир – первый русский писатель в современном значении слова, и в этом смысле правы были просветители XIX в. (например Белинский) и созданная ими критическая и школьная традиция, начинавшая Кантемиром историю новой русской литературы. Личность видна прежде всего в необыкновенной силе, так

²⁶ Гуковский Г.А. За изучение восемнадцатого века // Лит. наследство. Т. 9/10. XVIII век.: Жур.Газ. объединения, 1933. С. 324.

²⁷ Луначарский А.В. Русская критика от Ломоносова до предшественников Белинского // «Очерки по истории русской критики / Под ред. А. В. Луначарского и Вал. Полянского. Т. I. М.; Л.: ГИЗ, 1929.

²⁸ Пумпянский Л.В. Кантемир // История русской литературы: В 10 т. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 192.

сказать, литературного зрения»²⁹. Пумпянский напоминает и о том, «что известное место Кантемир занял и в западной литературе. Он был первым русским писателем, который завоевал если не европейскую славу, то европейское почетное имя. Для Вольтера, для Дидро, для поколения энциклопедистов Кантемир – хорошо известное литературное лицо и как бы представитель в Париже молодой русской культуры»³⁰.

В последние годы появилось немало исследований, посвященных разным аспектам творчества Кантемира: сопоставлению с западными и русскими писателями, в контексте продолжения традиции, а также скрытой и явной литературной полемики (Н.Д. Блудилина, Е.В. Глариантова, С.А. Салова, М.П. Одесский, Н.Я. Павленко и др.); энциклопедической составляющей деятельности Кантемира, его лексикографической, редакторской деятельности (Е.Э. Бабаева), анализу авторской стратегии Кантемира как создателя первой русскоязычной версии анакреонтеи (докторская диссертация и монография С.А. Саловой). Все большее внимание уделяется языку Кантемира, особенностям его стиля (В.В. Веселитский, С.А. Леонов; в последние годы – С.И. Николаев, М.Ю. Осокин и др.). В.П. Вомперский, автор исследования «Стилистическая теория Кантемира», называет его «крупным филологом своего времени» и справедливо заключает: «А.Д. Кантемир вошел в историю отечественной культуры и науки как ученый и писатель, который обосновал принципы построения нового литературного языка и создал образцы его применения в разных жанрах литературы. Он первым в русском языкознании сформулировал мысль о том, что изучение взаимодействия книжнославянской и народной русской речевой стихий и исследование функционирования иноязычной лексики на русской почве дают возможность выработать принципы построения нового литературного языка. И эта важная

²⁹ Пумпянский Л.В. Указ. соч. С. 197.

³⁰ Пумпянский Л.В. Указ. соч. С. 208.

научная идея развивается и углубляется в трудах выдающихся отечественных филологов середины XVIII в.»³¹. В 2017 г. вышел первый том четырехтомного «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века», где сделана попытка дать «синтаксический портрет» А.Д. Кантемира³².

В 2004 г. был опубликован монументальный труд Ю.К. Щеглова³³, пионерское исследование, где всерьез поднят вопрос о поэтике Кантемира. Сатиры рассмотрены в широком историко-литературном контексте, в основном западноевропейском, предпринят масштабный анализ их источников; описана работа Кантемира с фондом готового слова западной литературы: с микроконцептами, формулами. Фактически речь шла о том, как Кантемир пользовался европейской *copia verborum*. Если взять в качестве тезиса кантемировскую формулу «Что взял по-гальски – заплатил по-русски», то можно увидеть книгу Щеглова как первую часть труда о мире сатир Кантемира, где подробнейшим образом расписано, что и как «взял» Кантемир у «Горация и француза».

Настоящее исследование можно представить как продолжение труда Щеглова: оно посвящено тому, как Кантемир «заплатил по-русски» – как он сумел найти на русском языке слова для выражения всего богатства, тщательно отобранного им из европейской кладовой и перенесенного на русскую почву.

К сожалению, традиция выносить поэзию Кантемира за скобки при обсуждении литературного процесса нового времени, о которой мы говорили в связи с кантемироведением XVIII–XIX вв., до сих пор жива. Многие выдающиеся филологи начинают разговор об этом периоде с Ломоносова (см., например, труды В.Н. Топорова, М.В. Панова). Настоящее исследование

³¹ Вомперский В.П. Стилистическая теория А.Д. Кантемира // Риторика в России XVII—XVIII вв. / Отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1988. С. 115.

³² Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Петрозаводский государственный университет / Под ред. Патроевой Н. В. Т. 1: Кантемир, Третьяковский. СПб: Дмитрий Буланин, 2017.

³³ Щеглов Ю.К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб: Гиперион, 2004.

призвано внести новые аргументы в пользу пересмотра хронологических рамок.

В кантемироведении все более актуальной становится тенденция перехода от генерализации к конкретизации, к изучению «парных» связей Кантемира с творчеством русских писателей (Кантемир – Сумароков; Кантемир – Державин; Кантемир – Батюшков; Кантемир – Грибоедов и т.д.). И прежде всего – с творчеством Пушкина. Тема «Пушкин и Кантемир» начинает входить в круг актуальных, и это логично: для Пушкина Кантемир – фигура, безусловно, ключевая. Известно, какое значение придавал Пушкин сатире. Ода, по иерархии Пушкина, «стоит на низших ступенях... Сатира... более ее... требует творчества воображения – гениального знания природы»³⁴. Пушкин, по тонкому замечанию П.Н. Беркова, расходится с предшественниками и современниками «в понимании начальных путей русской литературы. В то время для всех литературных историографов XVIII и начала XIX века Кантемир всегда и неизменно был только автором сатир, Пушкин отмечает, очевидно, придавая этому существенное значение, что Кантемир “переводит Горация”. Иными словами, Пушкин хочет показать многообразие и широту поэтических интересов Кантемира, выступает против обеднения его вклада в русскую литературу, против недооценки этого знаменательного факта»³⁵.

Настоящее исследование позволяет представить тему «Пушкин и Кантемир» на разных уровнях текста, что повлечет за собой изменение подхода к пушкинской концепции литературы XVIII века. Это тем более необходимо, что Пушкин и Кантемир – по сути – стоят в начале и конце литературы XVIII века как ее начальное и завершающее звено; и провести линию между этими двумя звеньями очень важно для историка литературы.

³⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. / Под общ. ред.: Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 6. С. 269.

³⁵ Берков П.Н. Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII века // Пушкин. Исследования и материалы. Т.IV. Л., 1962. С. 90.

Росту количества публикаций о Кантемире и изменению вектора исследований в последние годы, безусловно, способствовал 300-летний юбилей поэта. Кантемир перестает восприниматься просто как давно живший обличитель пороков, писавший устаревшим языком; мы начинаем осознавать масштаб этого сложного явления, постижение которого нам еще предстоит. По справедливому замечанию В.П. Вомперского, «заметные успехи в исследовании творческого наследия А.Д. Кантемира все еще недостаточны по сравнению с тем значением, которое имела его деятельность в разных областях русской культуры и просвещения XVIII в.»³⁶.

Иначе говоря, все чаще возникает ощущение, что Кантемир не позади, а впереди. Нужны были три века развития филологической мысли, должны были появиться новые подходы к интерпретации литературного текста – чтобы стало понятно, что сатиры Кантемира требуют совершенно особого метода прочтения.

Назрела необходимость кардинального изменения подхода к сатирам, их принципиально нового прочтения в контексте их влияния на развитие последующей русской поэзии.

Задача системного подхода к сатирам Кантемира, комплексного анализа их архитектоники, топики, грамматики, фонетики и выявления в них универсального фонда готового слова поставлена впервые в наших работах, вышедших в 2010–2018 гг. (см. список опубликованных работ по теме).

Основные методы исследования. В работе такого типа невозможно обойтись без историко-литературного и сравнительно-исторического методов. А если говорить об основном подходе к тексту сатир, то его рабочее название – «микрофилологический». Слово «микрофилология» пока не утвердилось в науке о литературе. «Само слово, явно скалькированное с таких слов, как микроэкономика, микросоциология, было окружено

³⁶ Вомперский В.П. Стилистическая теория А.Д. Кантемира // Риторика в России XVII–XVIII вв. / Отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1988. С. 103.

техницистским ореолом»³⁷, – замечает К. Гинзбург о другом слове с этой приставкой – «микроистория». В «Русских ночах» В.Ф. Одоевского упоминается «микроскопизм» как пугающая крайность в отношении к явлениям действительности³⁸.

Тем не менее, нам это определение представляется удачным, т.к. сразу дает понятие о тех уровнях текста, на которых осуществляется анализ. По справедливому замечанию А.Е. Махова, «чем объемнее духовная цельность, с которой работает исследователь, – тем «микроскопичней» должна быть его техника интерпретации: макро-общности требуют микро-методики. О том, что целостность конституируется именно на микроскопическом уровне интерпретации, Курциус сказал в предисловии к главе «Музы»: «Необходимо было сделать видимыми непрерывности (Kontinuitäten), которые прежде не замечались. Техника филологического микроскопирования (philologische Mikroskopieren) позволила нам обнаружить в текстах различного происхождения идентичные по своей структуре элементы, которые мы позволили себе трактовать как выразительные константы европейской литературы»³⁹.

Микрофилологический подход – это совокупность методов. Среди микрофилологических стратегий – многие методики современного литературоведения: метод «герменевтического круга», непрерывное движение между частным (микроуровнями текста), и общим (художественным целым); тезаурусный подход, структурный анализ, «грамматика поэзии». Микрофилологу не обойтись без дескриптивного метода, или «нео-дескриптивного» – по формулировке Ю.К. Щеглова: «Та описательность...не имеет ничего общего с информативной описательностью

³⁷ Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история: Сб. статей. М.: Новое издательство, 2004. С. 291.

³⁸ Одоевский В.Ф. Русские ночи / Изд. подгот. Б.Ф. Егоров, Е.А. Маймин, М.И. Медовой; Отв. ред. Б.Ф. Егоров. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1975. С. 96.

³⁹ Махов А.Е. Веселовский – Курциус: Историческая поэтика – историческая риторика // Вопросы литературы. № 3, 2010. С. 200.

школьного типа..., но представляет собой программу *идентификации элементов произведения в контексте литературных концептов...*⁴⁰. Без формирования базы данных невозможна никакая работа по сопоставлению и обобщению. Б.М.Эйхенбаум предпочитал названию «формализм» «морфологический метод»: «Мы не формалисты, мы, если угодно, спецификаторы»⁴¹. Микрофилология – это тоже своего рода спецификаторская деятельность.

Отличие микрофилологического подхода – в направлении исследовательского взгляда: не сверху вниз, а из глубины – вверх: от микроуровней – на макроуровни. Это индуктивный подход: интерпретация начинается с детали. В сатирах, организованных по принципу «внутренних зеркал»⁴², любое слово может стать путеводной нитью, призмой филологической интерпретации и дать новое видение текста. Так проявляется принцип остранения, непременно присутствующий при малейшем сдвиге исследовательской оптики. Сатиры организованы так, что все изменения на микроуровне текста являются значимыми и содержательно, все используются для выражения единого авторского замысла в поэтологических целях. Чтобы увидеть это, и нужна микрофилологическая лупа.

Микрофилологический анализ исследует сами микроконструкции, на которых держится все здание текста. Понимание принципов организации сатир на микроуровнях позволяет более осознанно подниматься на уровень смысла. Микрофилологический подход дает основания рассматривать сатиры как единый текст, все уровни которого тесно взаимосвязаны и служат выражению основных идей автора.

⁴⁰ Курсив Ю.К. Щеглова. См: Щеглов Ю.К. Указ соч. С. 23.

⁴¹ Эйхенбаум Б.М. Вокруг вопроса о формалистах // Печать и революция.1924. №5. С.3.

⁴² Подробнее об этом в главе второй.

Основное свойство микрофилологического подхода в том, что он сквозной. Попытка рассмотреть любую единицу текста приводит в действие сразу всю систему взаимосвязей всех уровней – поэтому здесь так важна система гиперссылок. Одна и та же текстовая единица бывает функционально необходима в разных контекстах. По сути, настоящее исследование – опыт многократного прочтения одного и того же текста, но с постоянной сменой оптики. И каждый новый поворот оптического стекла высвечивает новые грани и самих сатир, и тех областей русской поэзии, которые попадают в поле действия этого луча. В работе часты отсылки такого типа: «Подробнее об этом см. в таком-то разделе» или «Об этом см. также в...».

Итак, суть микрофилологического подхода в признании сатир единым текстом и изучении функционирования сложной системы взаимосвязей, видной только на микроуровнях. Микрофилолог всегда находится внутри текста и работает при помощи риторического инструментария: его занимает в первую очередь, как устроены сатиры – вплоть до мельчайших капилляров.

Исследование обращено главным образом к риторической, формальной стороне сатир – но это не значит, что уровень так называемого содержания совсем выпадает из сферы внимания. Топика, система культурных кодов подвергнуты тщательному анализу – но они увиденны с ракурса формы; как материальное наполнение того каркаса, который держит все здание сатир.

Методологической базой исследования послужили труды русских и зарубежных ученых в разных областях науки о литературе: монументальный справочник Г. Лаусберга по античной риторике⁴³, исследования по истории поэтики и риторической традиции М.Л. Гаспарова, С.С. Аверинцева, А.Ф. Лосева, А.В. Михайлова, В.П. Вомперского, А.Е. Махова, Л.И. Сазоновой, А.В. Маркова, Т.Е. Автухович; теоретические работы по тезаурусному

⁴³ Lausberg H. Handbuch Literary Rhetoric: A Foundation for Literary Study / Ed. by David E. Orton, R. Dean Anderson; Foreword by George A Kennedy. Leiden; Boston, Köln: Brill, 1998.

описанию поэтического мира М.Л. Гаспарова, А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова, О.М. Буранка, В. и Вл. Луковых; для определения сущности микрофилологического подхода и понятия «фонд готового слова» особенно важными были сочинение Курциуса⁴⁴ и работы о нем А.Е. Махова, труды А.Н. Веселовского, А.В. Михайлова, Л.И. Сазоновой. Большое влияние на формирование научного подхода оказали идеи русских формалистов, В.Я. Проппа. Близкими оказались работы Я.И. Гина, изучавшего грамматику поэтических категорий.

Важной частью теоретической базы работы явились труды по истории русской поэзии XVIII-го века – сборники «XVIII век», выходящие в ИРЛИ с 1935 года, работы Л.В.Пумпянского, Г. А. Гуковского, П.Н. Беркова, М.П. Алексеева, Ю.В. Стенника, В.М.Живова, Т.Е. Автухович, Д.П. Ивинского, В.Л. Коровина; исследования творчества Кантемира Л.В. Пумпянского, П.А. Беркова, В.П. Вомперского, Ю.К.Щеглова, С.И.Николаева, С.А.Саловой, Е.Э. Бабаевой и др.

Поскольку самый частый автор, параллели с которым отмечаются в работе, – А.С. Пушкин, классические и новейшие исследования пушкинистов логично вошли в число тщательно изученных источников: среди них труды М.П. Алексеева, Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Г.А. Гуковского, Н.В. Измайлова, В.И. Кулешова, Ю.М. Лотмана, Е.А. Маймина, Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума, В.А. Грехнева, С.А. Фомичева, Н.И. Михайловой, Д.П. Ивинского, В.Л. Коровина, И.С. Юхновой, Е.Е. Дмитриевой и др.

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании принципиально нового подхода к поэтике Кантемира, что откроет новые перспективы не только в кантемироведении, но и в более широких областях науки о литературе – прежде всего, в области методологии интерпретации

⁴⁴ Curtius Ernst Robert. European Literature and the Latin Middle Age / Translated from German by Willard R. Trask. New York; Evansion: Harper and Raw, 1953.

литературного текста. Микрофилологический подход позволяет иначе выстраивать методику сопоставительного анализа: изучение «парного» взаимодействия поэтов (Кантемир – Пушкин; Кантемир – Грибоедов; Кантемир – Батюшков и т.д.) может выйти на новый уровень. Системный анализ поэтики Кантемира в контексте последующей русской поэзии позволит принципиально изменить взгляд на его место и роль в истории русской литературы, отодвинуть нижнюю границу начала нового периода в истории русской литературы, что может способствовать обновлению взгляда на концепцию истории русской литературы и литературной традиции. Результаты продемонстрированного в работе микрофилологического подхода к интерпретации поэтического текста могут быть использованы для теоретических обобщений в разных филологических сферах.

Практическая значимость исследования состоит в радикальной смене исследовательского взгляда на сатиры Кантемира как на тщательно организованный единый художественный мир; в опыте применения новой научной методологии для изучения взаимосвязей творчества целого ряда русских писателей XVIII – первой половины XIX в. с творчеством Кантемира и для комментирования их произведений. Микрофилологический метод интерпретации литературного текста, в процессе которого учитываются все уровни и микроуровни в их органической взаимосвязи, является универсальным и может быть применен при изучении творчества любого автора. Результаты исследования могут быть использованы в общих и специальных вузовских учебных курсах по истории русской литературы, а также в практических курсах по интерпретации литературного произведения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сатиры А.Д. Кантемира – это единый текст, тщательно организованный поэтический мир, чья архитектоника, структура, система внутренних связей подлежит тщательному филологическому изучению. Органическое единство поэтического мира сатир основано на

взаимодействия четырех основных принципов: индукции, антитезы, декорума, разнообразия. Взаимосвязь этих принципов осуществляется благодаря сквозному действию четырех риторических комбинаторных операций: расширения, убавления, замены, перестановки.

2. В сатирах нет ничего случайного: системность и органическая взаимосвязь прослеживаются на всех уровнях текста. Система персонажей, ономастикон, система заглавий, грамматическая и фонетическая организация, система риторических приемов находятся в тесной взаимосвязи.

3. В сатирах задан фонд готового слова русской поэзии – универсальная кладовая топики и приемов – тщательно отобранный из западноевропейской поэзии и выраженный поэтическими средствами русского языка. Весь мир людей предстает в сатирах – как в каталоге – подробно описанным. Метафору каталога поддерживает и тщательно налаженная система «гиперссылок», связей между «разделами». Система различных культурных кодов (метафорических, бестиарных, эмблематических и т.д.) в сатирах продумана до мелочей.

4. Кантемир – искусный поэтолог. Топика поэтического творчества, тщательно разработанная в его сочинениях, не потеряла актуальности с течением времени.

5. Практически все элементы фонда готового слова сатир Кантемира оказались востребованы русской поэзией.

Апробация работы

Результаты исследования были апробированы в 63 публикациях, включая четыре монографии, и 53 докладах на научных конференциях, в том числе международных «Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве (RES et VERBA)» (РГГУ, сентябрь 2011); Белые Чтения (РГГУ, октябрь 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018); «Бестиарий и стихии (RES et VERBA-2)» (РГГУ, сентябрь 2012); «Поэтический фактор в культуре. Синкретические тенденции и инновации». Первая международная

интердисциплинарная научная конференция (Международный университет в Москве, 2013); «Риторика бестиарности (RES et VERBA-3)» (РГГУ, сентябрь 2013); 10-е Сапгировские Чтения (РГГУ, ноябрь 2013); «Проблемы изучения русской литературы XVIII века». Шестая международная научно-практическая конференция (Самарский университет, 2014); «Бестиарный код культуры (RES et VERBA-4)» (РГГУ, сентябрь 2014); «История литературы в системе современных гуманитарных дисциплин» (МГУ, апрель 2014); «Заглавие и заголовочный комплекс в литературе, музыке, кино, пластических искусствах» (ИМЛИ РАН, апрель 2014); «XVIII ВЕК: Топосы и пейзажи» (МГУ, 2014); «Свет и тьма в литературе, культуре и искусстве: от античности до современности» (Седльце, Польша, сентябрь 2014); Международный круглый стол «А.С. Пушкин: проблемы идентичности в динамиках культурного трансфера» (ИМЛИ им А.М.Горького РАН, март 2015); «Феномен заглавия. Имя-миф – мистификация в заголовочно-финальном комплексе художественного произведения» (ИМЛИ им А.М.Горького РАН, апрель 2015); «Ломоносов и русская культура» (МГУ, апрель 2015); «Prawda i kłamstwo w literaturze, kulturze i sztuce (Правда и ложь в литературе, культуре и искусстве)» (Седльце, Польша, сентябрь 2015); «Пять чувств: Люди и звери (RES et VERBA-5)» (РГГУ, сентябрь 2015); «XIV Виноградовские чтения. Текст, контекст, интертекст» (МПГУ, октябрь 2015); X Международная научная конференция «XVIII век как зеркало других эпох. XVIII век в зеркале других эпох» (МГУ, март 2016); «Современная русская и зарубежная литература: “новое” как историко-литературная проблема» (Воронежский государственный университет, март 2016); «Бестиарий движений (RES et VERBA-6)» (РГГУ, сентябрь 2016); «Чувствительность в литературе, искусстве, культуре конца XVIII – первой трети XIX века» (ИМЛИ РАН, апрель 2016); Международный семинар «Молодость и старость в языке, литературе, культуре и искусстве» (Седльце, Польша, сентябрь 2016); «Державин в истории русской литературы» (МГУ

им. М.В. Ломоносова, октябрь 2016); «Николай Михайлович Карамзин: Жизнь и труды» (Государственный музей-усадьба «Остафьево», октябрь 2016); «Карамзин и русская литература» (МГУ им. Ломоносова, декабрь 2016); «Literatura i jej konteksty społeczno-kulturowe (Литература и ее общественно-культурные контексты)» (Седльце, Польша, сентябрь 2017); «И в просвещении стать с веком наравне»: К 60-летию Государственного музея А.С. Пушкина (Государственный музей А.С. Пушкина, Москва, октябрь 2017); «Князь П.А.Вяземский и русская литература. К 225-летию со дня рождения» (МГУ имени М.В.Ломоносова, май 2017); «Сумароков и русская литература» (МГУ, декабрь 2017); «Бестиарий антитез (RES et VERBA-3)» (РГГУ, январь 2018); XV Виноградовские чтения «ТЕКСТ, КОНТЕКСТ, ИНТЕРТЕКСТ» (МПГУ, март 2018); «XVIII век. Смех и слезы» (МГУ, март 2018), «Игра. Текст. Культура» (Самарский государственный университет, апрель 2018); «Разговоры о множестве миров Антиоха Кантемира» (МГУ – РГГУ, сентябрь 2018).

Структура работы

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** сформулированы основные законы, по которым строится исследование: определены его цели и задачи, обоснованы актуальность и новизна, очерчена история вопроса, заданы границы.

Ограничение оптики связано с многогранностью личности А.Д. Кантемира: дипломат, переводчик, общественный деятель, ученый, теоретик стиха, поэтолог, энциклопедист, сатирик, поэт. В разные годы разные ипостаси его разносторонней личности оказывались в центре внимания исследователей. В настоящей работе внимание обращено только на поэтическое творчество Кантемира.

Не обсуждается специально и проблема «классицизма» Кантемира, и вопрос о «жанровом своеобразии» сатир, хотя труды по изучению Кантемира как «видного представителя второго этапа классицизма в нашей литературе и как первого у нас “новейшего классика”»⁴⁵ нами учтены. Микрофилологический подход работает на уровнях более глубоких, чем литературное направление и жанр, – отсюда и примеры параллелей из разных жанров, что само по себе рассматривается нами как недвусмысленное доказательство того, что историко-литературное значение Кантемира выходит далеко за пределы сатирического жанра. По этой причине мы не рассматриваем подробно влияние Кантемира на «сатирическую традицию» русской литературы; к тому же данный вопрос уже обстоятельно исследован. Не касаемся мы и стиховедческих проблем – об этом тоже существует обширная литература.

Анализ сосредоточен на поиске следов Кантемира в последующей русской поэзии; Кантемир выступает в роли дарителя. По этой причине мы не останавливаемся на сложных связях творчества Кантемира с предшествующей русской литературной традицией, подробно рассмотренной в трудах Л.В. Пумпянского, А.С. Елеонской, Т.Е. Автухович, А.В. Растягаева.

Композиция работы обусловлена ее задачами. Первой идет глава, где дается описание структуры, архитектоники сатир, тех внутренних законов и связей, по которым они существуют; а глава, посвященная исследованию богатства топики и культурных кодов (иначе говоря – содержанию, которое оказалось возможным вложить в такую структуру), следует за ней. Разделение на уровни ЧТО и КАК, безусловно, является чисто формальным: каждое явление на уровне «ЧТО» обязательно находит свое место в общей системе сатир. Системными мы – вслед за Ю.К. Щегловым – будем называть

⁴⁵ Курилов А.С. От составителя // Антиох Кантемир и русская литература. М.: Наследие, 1999. С. 6.

«те явления, которые при кажущемся разнообразии их форм могут быть описаны как различные комбинации сравнительно небольшого числа основных, простейших элементов. При этом сложная система может состоять из нескольких “этажей” (как в языке – фонология, морфология и синтаксис)»⁴⁶.

ГЛАВА ПЕРВАЯ «Архитектоника сатир» состоит из 12 параграфов, каждый из которых, в свою очередь, делится на разделы и подразделы – в этом дроблении, углублении тоже проявляется суть микрофилологического подхода.

Параграф 1 «Основные принципы строения поэтического мира сатир» посвящен определению основных принципов, лежащих в основании художественного мира сатир. Это две четверки: 1) индукция, антитеза, декорум, разнообразие; 2) 4 комбинаторные операции, известные уже в античной риторике: расширение, убавление, замена, перестановка. Все эти принципы тесно взаимосвязаны.

Индукция, стремление по детали восстановить целое определяет всю динамику развития сатир. Пушкинская формула «старайся наблюдать» может служить ключом к их микрофилологическому прочтению. Фигура синекдохи принципиально важна для такого подхода.

Принцип разнообразия тесно связан с принципом индукции. На каждом шагу Кантемир учит: мир сложен, изменчив, динамичен, потенциально опасен – и любая мелочь может оказаться принципиальной и жизненно важной при подъеме на уровень смысла. Люди, их страсти, их нравы «без конца различны» – и только внимательность позволяет адекватно интерпретировать явления. Поэтика сатир – поэтика мелочей, где нужно большое внимание, чтобы собрать целое из многочисленных – очень

⁴⁶ Щеглов Ю.К. Указ соч. С. 52.

похожих, но все же разных – фрагментов. Поэтому так важны в сатирах риторические фигуры, основанные на мелких семантических, грамматических и фонетических сдвигах (диафора, параномасия, полиптотон и т.д.). Категория разнообразия важна и в поэтологическом плане: чтобы не наскучить читателю, автор обязан всегда помнить о необходимости смены ракурса.

Декорум в европейской поэтике понимается как «соответствие речей предмету: характеру и статусу персонажей, историческим реалиям и т. п.»⁴⁷ Декорум – система приличий – главное мерило на всех уровнях в сатирах. Но по принципу антитезы, рядом с категорией декорума в сатирах неизбежно возникает правило полиперспективизма: ничто (ни один предмет, ни одно качество) не существует само по себе; все познается в сравнении; все относительно; все может быть прочитано наоборот – в зависимости от точки зрения, от оптики. Одно и то же качество может быть по-разному оценено. Все сатиры построены как конфликт интерпретаций: действия персонажей даны с разных точек зрения – и важно не потерять путеводную нить авторского взгляда.

Антитеза – не только «фигура мысли» в риторике: это ключевая фигура и в «красноречии вещей (*eloquentia rerum*)». Дихотомия двух основных планов (выражения / содержания; реального / метафорического и т.д.) релевантна для любого художника; ее можно определять в разных терминах. Мы выбираем квинтилиановскую формулировку оппозиции «RES / VERBA»: «всякая речь состоит из того, что означается, и из того, что означает, то есть из вещей и слов»⁴⁸ – и соответственно называем эти два уровня: уровень RES и уровень VERBA.

Стратегия Кантемира – стратегия разделения. Сатиры очень удобны

⁴⁷ См. Махов А.Е. Декорум // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель. М.: Изд-во Кулагиной, 2010. С. 9.

⁴⁸ Квинтилиан. Воспитание оратора. III, 5, 1.

для структурного анализа: здесь все имеет свою пару, все распадается на оппозиции, все имеет отражение.

Четверка вторая – служебная: четыре основных комбинаторных операции, известных со времен античной риторики: прибавление (расширение); убавление; замена; перестановка. Именно они осуществляют взаимодействие между четырьмя основными принципами строения сатир. Схематически все многообразие динамических превращений в мире сатир можно свести к этим четырем операциям.

Параграф 2 «Стратегия разделения» описывает систему универсальных оппозиций, лежащих в основе поэтического мира сатир: большой / малый; свой / чужой; светлый / темный; добрый / злой; полный / пустой; умный / глупый; молодой / старый; помнить / забыть; покой / беспокойство; жизнь / смерть; правда / ложь и т.д. Каждая из этих оппозиций является ключевой, т.к. работает во всех сферах жизни, делит мир на две половины, высвечивая характерологические особенности каждой из сторон. Все эти оси находятся в постоянном взаимодействии: стоит затронуть одну – тут же отзываются остальные; их можно сравнить с кровеносными путями в едином организме сатир.

Для описания этой системы принцип тезаурусного микрофилологического анализа представляется оптимальным. В качестве примера проанализированы оппозиции «RES / VERBA», «края / середина», «правда / ложь», «старость / молодость», «сон / бессонница», «грамматическая ось сатир» оппозиция “до- / недо-”».

Варьирование оптики – анализ сатир сквозь призму разных оппозиций – по сути, является формой остранения и позволяет яснее увидеть глубинные связи всех уровней сатир, «увеличить трудность и долготу восприятия»⁴⁹, оценить красоту композиции.

⁴⁹ Шкловский В.Б. Искусство как прием // Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Круг, 1925. С. 12.

Параграф 3 «Индукция. Система внутренних зеркал» посвящен описанию действия принципа индукции в сатирах. Внутренними зеркалами мы называем использование одних и тех же слов для обозначения разных, часто противоположных вещей и действий. Внутренние зеркала – это система микроосей, связывающих все уровни сатир в единый текст. В сатирах нет ни одного слова, ни одной вещи, ни одного действия, которое встретилось бы только один раз. Все обязательно повторится либо в антитетически отраженном, либо синонимически усиленном виде. Любое слово в сатирах можно рассматривать как внутреннее зеркало: при повторном употреблении оно, как правило, меняет грамматическую форму. Это изменение служит знаком какого-то смыслового сдвига, что влечет за собой создание новой оппозиции, готовой, в свою очередь, стать призмой для интерпретации всего текста. И тут на первый план выдвигается грамматика поэзии: малейшее изменение формы слова (числа, падежа) является сигнификатором важных смысловых сдвигов. В качестве путеводителя по сатирам можно выбрать любое слово, любую оппозицию. В качестве примера приведен анализ сатир сквозь призму вина – в виде воображаемого диалога двух текстов о вине: монолога Луки из I-ой сатиры и описания праздника в честь св. Николая из V-ой.

Параграф 4 «Грамматика поэзии в сатирах» посвящен анализу функций грамматических категорий в мире сатир. По определению Р.О. Якобсона, «в поэзии Пушкина путеводная значимость морфологической и синтаксической ткани сплетается и соперничает с художественной ролью словесных тропов, нередко овладевая стихами и превращаясь в главного, даже единственного носителя их сокровенной символики»⁵⁰. И здесь Пушкин – прямой наследник Кантемира, чье внимательное отношение к грамматике и виртуозное использование ее возможностей не может не отметить каждый внимательный

⁵⁰ Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика / Сост. и общая редакция Ю.С. Степанова. Т. 2. М., 1983. С. 462.

читатель сатир. О «педантичном» отношении Кантемира к грамматике говорит, в частности, С.И. Николаев, исследовавший поэтический синтаксис сатир⁵¹. Однако изучение «путеводной значимости» богатого грамматического потенциала сатир еще только начинается.

Исследование использования богатых возможностей грамматики у Кантемира заслуживает отдельной книги. Существительные, прилагательные, глаголы и глагольные формы (особенно деепричастия), местоимения, наречия, служебные слова (предлоги, союзы) представлены у него во всем богатстве грамматической вариативности и динамики, ведущей к умножению смыслов, открывающей простор для интерпретации – и тем не менее, неуклонно проводящей основную смысловую линию сатир.

Параграф состоит из следующих разделов: «Существительные» (где присутствует дальнейшее деление на «Число: единственное / множественное» и «Смену падежей. Полиптотон»), «Глаголы и глагольные формы» (с дальнейшим делением на «Классификацию по семантике»; «Классификацию по совершенности / несовершенности вида»; «Классификацию по морфологическим признакам», где анализируется роль различных префиксов); «Глагольные формы. Деепричастия», где есть деление на деепричастия несовершенного и совершенного вида; «Числительные» (с разделением на «один», «два», «три», «семь», «двадцать», «тридцать», «сто»); «Отрицательные частицы».

Параграф 5 «Фонетическая организация сатир. Звукопись» включает разделы, посвященные фонетическим жестам и функциям омофонии.

Параграф 6 «Система персонажей» посвящен описанию разнообразия способов классификации персонажей («с именами / без имен», «исторические / вымышленные», «говорящие / молчащие» и т.д.).

⁵¹ Николаев С.И. Трудный Кантемир. (Стилистическая структура и критика текста) // XVIII век. Вып. 19. СПб., 1995. С. 4.

В параграфе 7 «Система имен» представлен новый подход к ономастикону сатир. На первый взгляд, имена розданы совершенно хаотично: русские перемежаются с иностранными; некоторые повторяются по два, а то и три раза – словно и сам автор не мог упомянуть, кого из своих многочисленных персонажей как он назвал. Л.В. Пумпянский обратил внимание на такое именованье, но не увидел в нем важного смысла⁵². Тем не менее, нам кажется небесполезным внимательно взглянуть на имена персонажей, поскольку в поэтическом мире сатир нет ничего случайного. По замечанию Ю.Н. Тынянова, «в художественном произведении нет неговорящих имен...Все имена говорят»⁵³. Имена в сатирах тоже складываются в систему, закономерности которой нам помогает выявить тезаурусный анализ. Персонажи делятся на имеющих имя собственное, и безымянных; причем и безымянность у Кантемира значима. Особое внимание уделяется персонажам с именами несобственными («другой», «иной», «всяк» и т.д.) и их роли в едином поэтическом мире сатир.

В параграфе 8 «Рифма» система рифм в сатирах впервые рассматривается в контексте общего художественного замысла как отражение антитетичности взгляда Кантемира на мир.

Параграф 9 «Ирония» посвящен механизму создания знаменитого иронического тона сатир, в основе которого всегда лежит сравнение с образцом. Сравнение может строиться в режиме литоты (термин А.Е. Махова) или режиме гиперболы. Рассмотрены топика иронических сравнений, грамматические, фонетические, композиционные способы создания иронического эффекта, бестиарные коды, самоирония.

⁵² Пумпянский Л.В. Указ. соч. С. 194.

⁵³ Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Поэтика. Теория литературы. Кино. М., 1977.С. 279.

В параграфе 10 «Система заглавий» заглавия сатир впервые интерпретируются как особый сюжет, что служит дополнительным аргументом в пользу признания сатир единым текстом.

Параграф 11 «Система риторических приемов» посвящен классификации наиболее часто встречающихся в сатирах риторических фигур. В сатирах, построенных по принципу разнообразия, система фигур предсказуемо богата и тщательно разработана. Каждая фигура имеет прямое отношение к общему плану сатир. Есть особенно часто встречающиеся, «любимые» фигуры. По традиции, идущей от античной риторики, фигуры рассмотрены в соответствии с 4-мя основными риторическими комбинаторными операциями: прибавление, убавление, замена, перестановка. В разделе «Фигуры прибавления» рассмотрены различные виды повторов: параномасия, диафора и антанакласис, синонимия, гендиадис, полиптотон, перифраза. В разделе «Фигуры убавления» описаны основные функции зевгмы как особенно частой фигуры в сатирах. В разделе «Фигуры замены» речь идет об основных тропах – метафоре, метонимии, гиперболе, литоте – и их роли в общей системе сатир; в разделе «Фигуры перестановки» – о различных видах инверсии и фигуре хиазма. Особый параграф посвящен риторическим конструкциям – перечислению, параллелизмам, «исчерпывающему делению» (Л.В. Пумпянский), «риторическому синхронизму», аналогиям.

Завершает главу параграф 12 «Выводы к первой главе», где суммируются результаты проделанной работы.

ГЛАВА ВТОРАЯ «Фонд готового слова в сатирах» представляет собой подробное описание *coria regum* и *coria verborum*, содержащихся в сатирах, и состоит из 6-ти параграфов.

Под фондом готового слова мы понимаем совокупность топики и приемов ее художественного выражения; или, если пользоваться дихотомией Квинтилиана, «вещей и слов» (RES et VERBA).

Выражение «готовое слово» впервые появилось в «Исторической поэтике» А.Н. Веселовского⁵⁴. А.В. Михайлов говорил о неизбежности для любого автора «пользоваться и риторическими приемами, и общими местами, поскольку это сложившийся, “готовый” язык традиционной культуры и только внутри мира риторической искусности может поселяться безыскусность и может происходить порыв к непосредственности»⁵⁵. По мысли ученого, «важнейшие творческие приемы и поэтический словарь (основная символика, тропы и пр.) художник слова получает от рождения в готовом виде, как и родной язык»⁵⁶. О готовых клише в поэзии писал и В.М. Жирмунский: «В поэзии классического стиля существовал известный круг традиционных канонизированных определений, условно выделяющих типический, идеальный признак предмета <...> это готовые тавтологические клише, освященные литературной традицией. <...> Они знакомы нам также из русской поэзии XVIII и начала XIX в.; ср. у Батюшкова: кудрявые рощи, прозрачные воды. <...> Многие из эпитетов такого рода носят интернациональный характер...»⁵⁷.

Э. Курциус представлял словесное творчество «как рациональный процесс выбора поэтом подходящих образов из запаса, сформированного традицией», где художник уподобляется «своего рода конструктору, который “украшает” речь элементами, взятыми из некоего обширного набора (того, что Квинтилиан называет *coria verborum*); творчество же – это “выбор слов”

⁵⁴ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 17.

⁵⁵ Цит. по: Сазонова Л.И. Литературная культура России, Раннее Новое Время. С. 135.

⁵⁶ Веселовский А.Н. Указ соч. С. 21.

⁵⁷ Жирмунский В.М. К вопросу о эпитете // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 359.

(*electio verborum*) всех тех «общих мыслей, которые можно было употребить в любых речах и любых письменных текстах»⁵⁸.

Иначе говоря, фонд готового слова – это универсальная «*соріа verborum*», своего рода «лавка-склад», создаваемая веками и постоянно пополняемая, которой может пользоваться любой поэт. В России такой запас начал активно создаваться в первой половине XVIII века. Главную роль в создании этого фонда сыграли Феофан Прокопович, давший русской поэзии универсальный Петровский канон, и А.Д. Кантемир. Энциклопедически образованный А.Д. Кантемир, находившийся «на перекрестке европейских культурных течений, свободно владевший интернациональным языком поэтических стереотипов и дизайнов»⁵⁹, выполнял для русской поэзии операцию *inventio* (нахождения): все многовековые достижения европейской поэтики он использовал как обширную *соріа verborum*, извлекая из нее все, что могло пригодиться русской литературе, и стремясь найти на русском языке формы, пригодные для выражения новых мыслей и понятий. В.Г.Белинский признал, что «...честь усилия – найти на русском языке выражение для идей, понятий и предметов совершенно новой сферы – сферы европейской – принадлежит прямее всех Кантемиру»⁶⁰.

Параграф 1 «Что такое фонд готового слова» посвящен краткому описанию общего устройства фонда готового слова, универсальной кладовой топики и приемов. Это общая территория, где есть рецепты ЧТО писать и КАК писать на любые темы. Это огромный многоуровневый каталог, где содержимое строго организовано, где существуют многочисленные базы данных от самых общих, тематических, до самых глубоких, специальных, микрофилологических. Там есть каталоги топики, метафорики, грамматики, лексики, фонетики, формул, рифм. Каждый каталог разветвляется,

⁵⁸ Махов А.Е. Указ. соч. С. 195.

⁵⁹ Щеглов Ю.К. Указ. соч. С. 21.

⁶⁰ Белинский В.Г. Кантемир // В. Г. Белинский. Полн. собр. соч: В 13 т. Т. VIII. С. 631.

углубляется; сеть баз данных раскладывает поэзию на мельчайшие первоэлементы.

Как и любой живой организм, фонд готового слова существует благодаря кровеносной системе. Артерии, вены, капилляры (или пользуясь компьютерной метафорикой – гиперссылки) связывают многочисленные уровни и подуровни в единое целое и позволяют осуществлять поиск и отбор внутри системы. Причем поиск – расширенный; и по самым разным параметрам. Систему таких гиперссылок мы описали в главе первой. В главе второй речь идет о тематическом наполнении этого масштабного каталога.

Параграф 2 «Микрокосм. Человек» представляет собой опыт тезаурусного описания мира, представленного в сатирах. В каталоге Кантемира *coria rerum* и *coria verborum*, макрокосм и микрокосм, во всем своем многообразии, аккуратно систематизированы и разложены по папкам и файлам. Наиболее подробно у него рубрицирована человеческая жизнь: тело, дом, еда, питье, болезни, профессии, социальные поприща и т.д. Но за обилием подробностей стройность самой системы каталога при беглом чтении не видна. Настоящее исследование двигалось в направлении, обратном обычному читательскому восприятию: за принципом разнообразия было необходимо уловить очертания самой конструкции. Принцип построения тезауруса – антропоцентрический; от микрокосма к макрокосму. В процессе анализа постоянно приводятся параллели из последующей русской поэзии.

Параграф 3 представляет собой каталог метафорических кодов, использованных в сатирах. «В метафорическом языке поэтики произведение предстает то как сплетенная ткань, то как некое ремесленное изделие, то как организм (в том числе и как подобие человека), здание или даже (в кулинарной метафорике) как некое кушание; но почти всегда – как нечто

упорядоченное», – замечает А.Е. Махов⁶¹.

Метафорические коды, «метафорические сетки», «метафорические концепты» – модные темы когнитивной лингвистики. Книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем»⁶² стала культовой. Исследование метафорических кодов разных писателей становится все более популярным. Но о том, что у Кантемира можно найти весь набор основных метафор, которыми мы оперируем и сегодня, мало кто помнит. А ведь свод метафорических кодов сатир заслуживает особого подхода. Это очередная демонстрация их богатого семантического потенциала.

Метафоры родства, телесная, солярная, метеорологическая, водная, морская, медицинская, бестиарная, металлургическая, ювелирная, кулинарная, ткацкая и многие другие представлены как важная часть поэтического мира сатир, способствующая реализации принципа разнообразия и как формы остранения.

Параграф 4 посвящен анализу использования в сатирах бестиарных кодов. Изучение бестиарной картины мира в последнее время становится все более актуальным⁶³. Перевод дискурса в бестиарные категории служит двум главным целям: украшение речи и экономия словесных средств. Каждый зверь – это иероглиф особого языка. За много веков существования литературных бестиариев каждый из зверей обзавелся многочисленными, подчас противоположными, символическими, эмблематическими чертами – и значения, которые из этой общей кладовой выбирает каждый автор, могут многое рассказать о его поэтологических и жизненных принципах.

⁶¹ Махов А.Е. Европейская поэтика. Темы и вариации // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель. М.: Изд-во Кулагиной, 2010. С. 9.

⁶² Lacoff George, Johnson Mark. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

⁶³ Среди ставших уже традиционными научных встреч, изучающих бестиарные коды культуры, отметим ежегодные конференции в рамках программы «RES et VERBA», организуемые автором совместно с А.Е. Маховым в РГГУ с 2011 г. По материалам этих конференций выпускаются сборники статей.

Феофан и Кантемир⁶⁴, перенесшие на русскую почву античные и западноевропейские «значения» разных зверей, заложили основы бестиарного текста русской поэзии и, в том числе, описания литературного мира в метафорике фауны. В богатом фонде готового слова Кантемира, в его риторической кладовой звери как одно из зеркал человека занимают важное место. Практически на любое действие человека у Кантемира найдется пример из мира зверей. Так, для иллюстрации силы примера, Кантемир указывает на утят, подражающих утке, и гончего щенка, подражающего взрослым псам. Для того, чтобы показать, как важно в обучении воспитателю самому обладать качествами, которые он хочет привить воспитаннику, приводится ответ «молодого рака», который отвечает матери: «Сама прямо пойдя», и т.д. Каждый зверь в этом «зверинце» наделен определенным набором свойств, в нужный момент привлекаемых сатириком в качестве зеркала человека и призванных служить исправлению нравов. Практически весь риторический бестиарный инструментарий Кантемира верой и правдой служит русской поэзии почти три века.

Бестиарные зеркала Кантемира представляют собой четко организованную систему, где действуют все те же основные принципы, что и во всех сатирах (антитеза, индукция, декорум, разнообразие). Бестиарный блок – органическая часть фонда готового слова. В работе подробно описаны принципы классификации животных в творчестве Кантемира; особое внимание уделено антитетическим парам зверей, бестиарной эмблематической синонимии, приемам бестиарного остранения.

⁶⁴ О риторических бестиариях русских поэтов XVIII в. см.: Довгий О.Л. Бестиарий М.В.Ломоносова: К постановке проблемы // Ломоносовский сборник / Под общей ред. М.Л.Ремневой. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 76-93; Довгий О.Л. Риторический бестиарий А.Д.Кантемира // Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве: Сб. статей. М.: Intrada, 2012. С. 6-23; Довгий О.Л. Петр – победитель зверей и стихий (по сочинениям Феофана Прокоповича) // Бестиарий и стихии. (RES et VERBA-2). М.: Intrada, 2013; Довгий О.Л. Риторическая стратегия бестиарной инвективы в литературной полемике // Риторика бестиарности: Сб. статей. М.: Intrada, 2014. С. 23-35 и др.

Параграф 4 посвящен эмблематическим кодам сатир. В нем прослежена связь сатир с историей западноевропейской эмблематики, предложен новый способ их прочтения как своеобразной книги эмблем. Органические свойства сатиры – остроумие, яркость и подробность описаний, неожиданные метафоры и аналогии, легкость в переворачивании мира, готовность к фрагментированию и перенесению – роднят ее с эмблематикой. В основе эмблемы лежит эпиграмма; а эпиграмма – это короткая сатира (и наоборот: сатира – развернутая эпиграмма)⁶⁵. Сатиры Кантемира – не исключение. Как и любую сатиру, их легко свести к набору эпиграмм – фактически, к набору словесных эмблем. Многие выражения сатир «являются эмблемами во всем кроме названия» (если использовать выражение Марио Праца)⁶⁶.

Хотя слово «эмблема» не встречается в сатирах ни разу, их можно читать как самую настоящую книгу словесных эмблем, которые к тому же дают выход и для зрительного воображения. В работе приведены примеры «реконструкции» трехчастных эмблем на самом бесспорном материале – на материале традиционных мифологических образов.

В трудах Г. С. Кнабе выработана формула «русская античность», в содержание которой входят те «стороны античного наследия, которые были усвоены национальной культурой в соответствии с внутренними ее потребностями и стали ее органической составной частью»⁶⁷. Вопрос о передаче античной традиции и роли Кантемира в этом процессе представляется очень важным. У Кантемира был здесь сильный предшественник: Симеон Полоцкий, в чьем творчестве, как подробно показала Л.И. Сазонова, «легализованная античность вошла на правах

⁶⁵ О соотношении словесного и визуального в эмблематике, о связи эмблем с эпиграммой см.: Махов А.Е. Эмблематика. Макрокосм. М.: Intrada, 2014. С. 10.

⁶⁶ Цит. по Махов А.Е. Указ соч. С. 24.

⁶⁷ Кнабе Г.С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.: РГГУ, 2000. С. 9.

культурной условности... Прикосновения к античности... обновляли облик русской литературы»⁶⁸. По справедливому замечанию Л.И. Сазоновой, «нельзя обойти молчанием такой вопрос, как роль риторики в передаче античной традиции и формировании нового для русской литературы восприятия античности как культурной условности»⁶⁹. Кантемир активно продолжил введение греко-римского кода в культурный обиход русской поэзии. В результате подробного описания системы античных имен нам удалось выделить две основные функции мифологического кода в сатирах:

1) Просветительская. В примечаниях Кантемир дает подробнейшие описания вводимых им реалий и имен.

2) Риторическая, иллюстративная. Мифологические имена составляют большой раздел в универсальном фонде готового слова, и Кантемир показывает, какие возможности открывает автору умелое пользование этими богатствами. Каждое мифологическое имя важно не только само по себе, но главным образом как аргумент для усиления позиции одной из основных конфликтующих сторон (условно обозначенных как Старое и Новое), как выражение авторского замысла, как средство создания иронического тона. Кроме того, использование разных мифологических и исторических имен для подтверждения сходных тезисов служит принципу разнообразия – одному из главных в сатирах.

Особое внимание уделено герменевтической составляющей эмблематических кодов сатир, способам преподнесения моральных уроков, по-новому – в духе эмблематической традиции – истолкована функция пословиц в сатирах.

Взгляд на сатиры А.Д. Кантемира сквозь призму их эмблематического слоя может быть полезен, во-первых, как новый подход к поэтике

⁶⁸ Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое Время. М.: Языки славянских культур, 2006. С.140.

⁶⁹ Сазонова Л.И. Указ соч. С. 138.

Кантемира; во-вторых, как богатый материал для изучения рецепции западноевропейской эмблематической традиции в русской литературе.

Параграф 6 содержит выводы ко 2-й главе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ «Поэтологические взгляды Кантемира» посвящена системе взглядов Кантемира на законы поэтического творчества. Основой для изучения поэтической кладовой Кантемира послужил универсальный поэтологический сюжет, предложенный А.Е. Маховым, и его семь основных персонажей: поэзия, поэт, материя, слово, произведение, читатель, система произведений⁷⁰.

Параграф 1 представляет собой описание кантемировского поэтологического сюжета с позиции автора. Отдельно рассмотрены такие микросюжеты, как отношения автора и музыки, автора и произведения, автора и поэтов-предшественников, автора и читателя, разные типы авторов; прослежена связь поэтологических взглядов Кантемира с западноевропейскими ренессансными полемиками о поэтике.

Параграф 2 посвящен книжной топике – богатству и разнообразию европейских мотивов, связанных с книгой, привнесенных Кантемиром на русскую почву. На первый взгляд этот параграф кажется синонимичным предыдущему – но это только на первый взгляд. Безусловно, книжный сюжет – часть общего поэтологического сюжета, но здесь радикально сменена оптика: в центр поставлена книга и вокруг нее вращаются все остальные поэтологические персонажи. Сюжет предусматривает широкий, но вполне обозримый круг мыслей, эмоций, действий каждого персонажа по отношению к Книге.

Кантемировский книжный сюжет состоит из трех частей: 1.Рождение Книги – многочисленные мотивы авторских творческих мук. 2.Жизнь Книги,

⁷⁰ См. Махов А.Е. Европейская поэтика. Темы и вариации // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель / Под общ. ред. Е.А. Цургановой и А.Е. Махова. М.: Издательство Кулагиной, 2010. С. 7-72.

вышедшей из рук Автора, – мотивы, связанные с читательским произволом. Типология действий Нечитателя. 3. Жизнь Книги после физической смерти Автора. Переход прямого значения слова «книга» в метонимическое; начало синонимии Автора и Книги – круг мотивов библиотеки и памятника.

В творчестве Кантемира задан основной свод мотивов, связанных с книгой, – так что каждый последующий писатель, обращаясь к теме книг, невольно оказывается внутри кантемировского сюжета; ему остается только искать новые вариации уже существующих мотивов.

Параграф 3 содержит краткие выводы к третьей главе.

В Заключении подведены основные итоги исследования и намечены перспективы дальнейшей работы.

Предпринятый в диссертации опыт микрофилологического анализа сатир (их архитектоники, структуры, система внутренних связей) позволил ясно увидеть сатиры как единый текст, как искусно организованный единый художественный мир, все уровни которого находятся в органической взаимосвязи. Разбор текста сатир на «кирпичики» (лексические, грамматические, фонетические, вплоть до буквенных) – не самоцель, а средство показать, «как сделаны» сатиры и какие присутствующие в них первоэлементы пригодились русской поэзии.

Анализ сатир как единого текста, единого поэтического мира позволил увидеть, как умело Кантемир использует все внутренние возможности слова. Задолго до формалистов он понял опасность автоматизации и волшебную силу остранения (хотя, разумеется, не оперировал этими терминами). Свою главную идею – о пользе наук, знания, обучения и о вреде невежества – он проводит десятками разных способов, варьируя и комбинируя художественные возможности разных уровней текста. Радикальная смена оптики при анализе сатир позволяет увидеть, как «прописные истины» начинают играть новыми красками, будучи представленными не только

средствами топики, лексики и семантики, но и грамматически, фонетически и т.д. Для Кантемира микроуровни текста – это не только область лингвистики, но и мощный поэтологический ресурс.

Тщательное прочтение сатир в контексте последующей русской поэзии открывает новые филологические горизонты.

Дальнейшие исследования могут идти по нескольким направлениям: 1) вглубь – составление подробного словаря поэтики Кантемира, глубокий тезаурус с системой гиперссылок; 2) вширь – стоило бы задуматься о создании кантемировской энциклопедии, где были бы учтены все грани личности этого писателя. Богатые возможности для исследователя представляет изучение «парных» взаимосвязей Кантемира с последующими писателями – вплоть до XXI века, что повлечет за собой создание масштабного исследования под общим названием «Традиция Кантемира в русской литературе XVIII-XXI вв.».

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ.

I. Монографии

1. Довгий О.Л. (Кулагина). «Развернуть старика...»: Сатиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа – М.: Изд-во Кулагиной, 2012. – 436 с.

2. Довгий О.Л. (Кулагина). И Кантемир, и Феофан – Saarbrücken: Lap Lambert Academic publishing, 2015 – 230 с.

3. Довгий О.Л. (Кулагина), Сергеева-Клятис А.Ю. Интерпретация литературного произведения. – М.: Ф-т журналистики МГУ, 2017 – 168 с.

4. Довгий О.Л. (Кулагина). Сатиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа. – 2-е изд., испр., доп. – Тула: Аквариус, 2018. – 443 с.

II. Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 10.01.01

5. Довгий О.Л. (Кулагина). «Диалог» текстов А.Д. Кантемира о вине // Русская речь. – 2011. – № 6. – С. 11–14.

6. Довгий О.Л. (Кулагина). Языковые переключки А.С.Пушкина и А.Д. Кантемира // Русская речь. – 2012. – № 2. – С. 3–7.

7. Довгий О.Л. (Кулагина). Рифмы к слову Россия у М.В. Ломоносова и А.С. Пушкина // Русская речь. – 2012. – № 5. – С. 3–6.

8. Довгий О.Л. (Кулагина). Об одном словосочетании в русской поэзии // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2012. – № 18 (98). – С. 108–114.

9. Довгий О.Л. (Кулагина). Русские и галлы в «Воспоминаниях в Царском Селе» // Русская речь. – 2013. – № 1. – С. 3–7.

10. Довгий О.Л. (Кулагина). Петровский канон Феофана Прокоповича // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2013. – № 20 (121). – С. 100–109.

11. Довгий О.Л. (Кулагина). Звукопись сатир А.Д.Кантемира // Русская речь. – 2013. – № 4. – С. 3–6.

12. Довгий О.Л. (Кулагина). Щука с голубым пером // Русская речь. – 2014. – № 3. – С. 117–120.

13. Довгий О.Л. (Кулагина). Темира // Русская речь. – 2015. – № 1. – С. 102–108.

14. Довгий О.Л. (Кулагина). Стихотворение А.С. Пушкина «Послание И.И. Пущину». Опыт микрофилологического анализа // Вестник РГГУ.

Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2015. – № 8 (151). – С. 70–74.

15. Довгий О.Л. (Кулагина). Пленира // Русская речь. – 2015. – № 5. – С. 104–109.

16. Довгий О.Л. (Кулагина). История употребления ты и Вы // Русская речь. – 2015. – № 3. – С. 91–95.

17. Довгий О.Л. (Кулагина). Поэзия сквозь призму глаголов движения: опыт тезаурусного анализа // Новый филологический вестник РГГУ. – 2015. – № 4 (35). – С. 94–106.

18. Довгий О.Л. (Кулагина). Лидия // Русская речь. – 2016. – № 2. – С. 111–116.

19. Довгий О.Л. (Кулагина). Прасковья // Русская речь. – 2016. – № 5. – С. 82–87.

20. Довгий О.Л. (Кулагина). Интрада + ИФИ РГГУ // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2016. – № 5 (14). – С. 148–151.

21. Довгий О.Л. (Кулагина). Полина // Русская речь. – 2017. – №1. – С. 100–105.

22. Довгий О.Л. (Кулагина). Прасковья-Параша // Русская речь. – 2017. – № 2. – С. 107–114.

23. Довгий О.Л. (Кулагина). Лаура // Русская речь. – 2017. – №5. – С. 90–98.

24. Довгий О.Л. (Кулагина). Грамматика поэзии в сатирах А.Д. Кантемира // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2017. – Т. 76 – № 1. – С. 15–21.

25. Довгий О.Л. (Кулагина). Оппозиция «сон / бессонница» в сатирах А.Д. Кантемира // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 44–54.

26. Довгий О.Л. (Кулагина). Оппозиция «края / середина» в сатирах А.Д. Кантемира // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2018. – Т. 77. – № 1. – С. 54–64.

27. Довгий О.Л. (Кулагина). Система имен в сатирах А.Д. Кантемира // Русская речь. – 2018. – № 4. – С. 108–116.

28. Довгий О.Л. (Кулагина). Мифологические и исторические имена в сатирах А.Д. Кантемира // Русская речь. – 2018. – № 5. – С. 73–83.

III. Статьи в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования РФ для публикации основных результатов докторских диссертаций

29. Довгий О.Л. (Кулагина). «Ответ Катенину» // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. — СПб.: Наука, 1996. — Вып. 27. — С. 115–120.

30. Довгий О.Л. (Кулагина). Презентация новинок Гуманитарного клуба Intrada у «Кентавра» // Вопросы культурологии. – 2015.– № 1. – С. 104–105.

31. Довгий О.Л. (Кулагина). Мир в заглавиях сатир А.Д. Кантемира // Вопросы культурологии. – 2015. – № 2. – С. 83–88.

32. Довгий О.Л. (Кулагина). Международная научная конференция «Пять чувств: люди и звери (RES ET VERBA-5)» // Вопросы культурологии. – 2016. – № 2. – С. 88–90.

33. Довгий О.Л. (Кулагина). Международная конференция «Бестиарий движений. RES et VERBA VI» (РГГУ, 23–24 сентября 2016 г.) // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 5 (147). – С. 416 – 425.

III. Статьи в других научных журналах и сборниках

34. Довгий О.Л. (Кулагина). Книжная топики у Кантемира и Пушкина // Новый филологический вестник. – 2009. – № 3 (10). – С. 50–60.

35. Довгий О.Л. (Кулагина). «Шалуныя рифма»: об одном приеме литературной полемики в русской поэзии конца XVIII в. // Школа теоретической поэтики: сборник научных трудов к 70-летию Натана Давидовича Тamarченко // Ред. – сост. В.И. Тюпа, О.В. Федунина. – М.: Издательство Кулагиной, 2010. – С. 269–274.

36. Довгий О.Л. (Кулагина). Бестиарий М.В.Ломоносова: К постановке проблемы // Ломоносовский сборник / Под. общ. ред. М.Л. Ремневой – М.: Изд-во Московского университета, 2011. – С. 76–93.

37. Довгий О.Л. (Кулагина). Движение планет в русской поэзии XVIII века // Новый филологический вестник. – 2011. – № 4 (19). – С. 62–72.

38. Довгий О.Л. (Кулагина). Риторический бестиарий А.Д.Кантемира // Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве: Сб. статей / Сост. А.Л. Львова; науч. ред О.Л. Довгий. – М.: Intrada, 2012. – С. 6–23.

39. Довгий О.Л. (Кулагина). Петр – победитель зверей и стихий (по сочинениям Феофана Прокоповича) // Бестиарий и стихии: Сб. статей / Сост. А.Л. Львова; науч. ред О.Л. Довгий. – М.: Intrada, 2013. – С. 6–19.

40. Довгий О.Л. (Кулагина). Русская поэзия как бестиарий (по письмам К.Н. Батюшкова) // Новый филологический вестник. – 2013. – № 3 (26). – С. 62–72.

41. Довгий О.Л. (Кулагина). Риторическая стратегия бестиарной инвективы в литературной полемике // Риторика бестиарности: Сб. статей / Сост. А.Л. Львова; науч. ред О.Л. Довгий. – М: Intrada, 2014. – С. 23–35.

42. Довгий О.Л. (Кулагина). «Пир у Кантемира». Круглый стол в РГГУ // Культурологический журнал. – 2014. – № 2 (16). – С. 8

43. Довгий О.Л. (Кулагина). Использование социальной сети ВКонтакте в учебном процессе // Новый филологический вестник. – 2014. – № 1 (28). – С. 132–135.

44. Довгий О.Л. (Кулагина). Топос автора-поэтолога у А.Д. Кантемира // XVIII век: топосы и пейзажи: Сб. ст. / Под ред. Н.Т. Пахсарьян. – Вып. 9. – СПб.: Алетейя, 2014. – С. 121–136.

45. Довгий О.Л. (Кулагина). «Как говорит мой чистосердечный Кантемир...» (К теме «Батюшков и Кантемир») // Русская и мировая литература: сравнительно-исторический подход: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Ромэна Гафановича Назирова / Отв. ред. Р. Х. Якубова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 136 – 146.

46. Довгий О.Л. (Кулагина). Портрет «репортера» в 3-й сатире А.Д. Кантемира // Культурологический журнал. – 2014. – № 4 (18). – С. 4.

47. Довгий О.Л. (Кулагина). Конференция «Бестиарный код культуры» // Культурологический журнал. – 2014. – №4 (18). – С. 20.

48. Довгий О.Л. (Кулагина). Вторичная бестиарная номинация // Бестиарный код культуры / Сост. А.Л. Львова; науч. ред О.Л. Довгий. – М.: Intrada, 2015. – С. 101–114. – (RES et VERBA–4).

49. Довгий О.Л. (Кулагина). Круглый стол «Эмблематика в европейской культуре» // Культурологический журнал. – 2015. – № 2 (20). – С. 12.

50. Довгий О.Л. (Кулагина). Эмблематические коды сатир А.Д. Кантемира // Эмблематика и эмблематичность в западноевропейской и русской культуре: Коллективная монография / Под общей ред. А.Е. Махова. – М.: Intrada, 2016. – С. 153–183.

51. Довгий О.Л. (Кулагина). О стихотворении А.С. Пушкина «Жалоба» // Диалог согласия: сборник научных статей к 70-летию В.И. Тютюпы / Под ред. О.В. Федуниной и Ю.Л. Троицкого. – М.: Intrada, 2015. – С. 358–364.

52. Довгий О.Л. (Кулагина). Оппозиция свет / тьма при изображении монарха в сочинениях Феофана Прокоповича // Миргород. – 2015. – № 1 (5). – Лозанна, Седльце, 2015. – С. 33–40.

53. Довгий О.Л. (Кулагина). Круглый стол «Пир у графа Д.И. Хвостова» // Культурологический журнал. – 2015. – № 3 (21) – С. 13.

54. Довгий О.Л. (Кулагина). «Но Пушкину досталась лира от Антиоха Кантемира» // XVIII век как зеркало других эпох. XVIII век в зеркале других эпох. – СПб: Алетейя, 2016. – С. 716 – 723.

55. Довгий О.Л. (Кулагина). «Фонд готового слова» А.Д. Кантемира и русская поэзия // Текст, контекст, интертекст. Сб. научных статей. XIV Виноградовские чтения. – Т.4. Русская литература. – М.: МПГУ, 2016. – С. 58–62.

56. Довгий О.Л. (Кулагина). Оппозиция «правда / ложь» в сатирах А.Д. Кантемира: микрофилологический подход // Prawda i kłamstwo. Problematyka Interpretacje Konteksty / Redakcja tomu Danuta Szymonik, Walentyna Krupowies. – «Conversatoria Litteraria». – Międzynarodowy Rocznik Naukowy Siedlce. – Wańska Bystrzyca, 2016. – С. 39–54.

57. Довгий О.Л. (Кулагина). «Вместо правой – левою...» // Белые чтения: Сборник к 85-летию Галины Андреевны Белой. – М., 2016. – С. 151–161.

58. Довгий О.Л. (Кулагина). Московская конференция по семиотике бестиария // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge. – №4. – 2016. – С. 277–278.

59. Довгий О.Л. (Кулагина). Образ А.Д. Кантемира в русской поэзии XVIII–XXI веков // Современная русская и зарубежная литература. «Новое» как историко-литературная проблема. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. – С. 186–192.

60. Довгий О.Л. (Кулагина). А.Д. Кантемир о сентиментализме: опыт «чтения назад» // Чувствительность в литературе, искусстве, культуре конца XVIII–XIX века. – М.: ИМЛИ, 2016. – С. 87–90.

61. Довгий О.Л. (Кулагина). Чувства: Иметь или не иметь // Бестиарий и чувства / Сост. А.Л. Львова; науч. ред О.Л. Довгий. – М.: Intrada, 2017. – С. 241–247. – (RES et VERBA–5).

62. Довгий О.Л. (Кулагина). Ось «молодость/старость» в сатирах Антиоха Кантемира в свете микрофилологического анализа // MŁODOŚĆ I STAROŚĆ W JĘZYKU, LITERATURZE, KULTURZE I SZTUCE – Conversatoria Litteraria Międzynarodowy Rocznik Naukowy. – 11. – Siedlce; Wańska Bystrzyca, 2017. – С. 173–190.

63. Довгий О.Л. (Кулагина). «Поля упасть нельзя» // Бестиарий движений / Сост. А.Л. Львова; науч. ред О.Л. Довгий – Тула: Аквариус, 2018. – С. 188–200. – (RES et VERBA – 6).